

АБДРАШИТОВУ — 50

тех самых верхах мастер ученика защищал. Он любопытно рассуждал о природе реализма: если бы не было Пруста и Джойса, то что стало бы с этим самым реализмом?

Естественно, предавать Абдрашитова было нельзя. Но ведь противостоять начальству — как? Мы тогда напечатали два мнения — за и против. Это сейчас широко распространено а тогда требовалось послесловие от редакции: а вы, мол, на чьей стороне?

Послесловие писала я без подписи, естественно. Что-то в том духе, что, мол, мы учитываем талантливость авторов, но беспокоимся о направлении их поиска...

Так вот, после этого я встретилась с Абдрашитовым (до этого мы не были знакомы) на заседании кино клуба в кинотеатре «Зарядье». «То, что два мнения, мне понятно, это добрый жест газеты, мы понимаем все подводные течения. Но вот кто написал послесловие?» И при этом смотрел мне в глаза очень пристально, испытующе, словно бы все понимал...

С Вадимом нас связывают долгие и прочные (я надеюсь!) отношения. Из-за него даже я поссорилась с так называемым «новым секретариатом» Киносоюза — он, сам член правления, вошел с ним в конфликт,

внутри стихии, и подходить к нему было опасно: тигр, о тигр светлогорящий! Кажется, это у Уильяма Блейка... Впервые я почувствовала: тронь его — и можешь обжечься.

Потом написала большую статью. Потом, годы спустя, Эльдар Рязанов, отказавшись от интервью, заметил: «Я знаю, кто и что вам нравится, — фильм еще не был снят, а вы уже пропели ему осанну». — «Но я же не выставяла оценочку! Это же репортаж со съёмки!». «Вот именно», — ответил Рязанов.

Фильм назывался «Армавир». И в самом названии мне почудился отклик, эхо на финал «Парада планет». Когда герои, побывавшие по ту сторону бытия, возвращаются на грешную землю и уходят каждый в свою, такую разную и такую обыкновенную жизнь, они, исчезая в подворотне, кричат друг другу, как мальчишки, пароль, теперь он будет связывать их всю жизнь: «Карабин?» — «Кустанай!».

«Армавир!» — шепчут или кричат друг другу те, кто спасся после крушения: они бродят по земле и ищут таких же, как они сами. Меченых. Меченных «Армавиром» — это нельзя передать словами, это надо видеть: жизнь и смерть сопряглись для них в одном мгновении, и в тех, кто видел это, навсегда память выжгла тавро.

В фильме есть один эпизод — казалось бы, ничего особенного, волшебное колесо, которое крутится, унося кабины с ошалевшими пассажирами: сколько раз мы все это видели в кино, хотя бы во «Все на продажу» Вайды. И при первом просмотре я так именно холодно, отстраненно и восприняла эти кадры — как парфраз.

Но потом случилось...

Случился август 91-го — и хотя сегодня мы все меньше о нем вспоминаем, но это были взрыв, драма, крушение эпохи, тектонический слом. Даже непонятно, как мы все еще живем, — вроде бы, как и жили.

Когда я спрашивала Абдрашитова — а это было еще в девяностом, — о чем картина, об «Адмирале Нахимове»? Он как-то вежливо уходил от ответа: но ведь он и не мог знать, что будет август девяносто первого. Или мог?

Почему же, когда после путча я второй раз посмотрела «Армавир» и увидела это «колесо обозрения», с которого люди кричат друг другу: «Таллинн!», «Алма-Ата!», «Кишинев!» и, наконец, «Москва!» — возникает это озарение: так вот про что картина! Она — про крушение нашего мира...

Есть фильмы, которые опаздывают.

А есть — к которым опаздываем мы.

Валентина ИВАНОВА.

ТИГР СВЕТЛОГОРЯЩИЙ

Он делает один фильм раз в четыре года, а то и меньше: другие — четыре за год. Сегодня кто деньги принес, тот и режиссер. Так ли? Потому, наверное, на последний фильм Абдрашитова «Пьеса для пассажира» в Доме кино сломали двери — такое здесь бывало только на Ельцине.

Есть фильмы, которые опаздывают, — чаще всего это конъюнктура: она всегда опаздывает (например, фильм о Якубовском или фильм об Артеме Тарасове — они его сами заказали, но — опоздали).

А есть фильмы, к которым опаздываем мы: судьба их, как правило, драматична. Так было с «В^{1/2}» Феллини или, скажем, «В огне брода нет» Глеба Панфилова: это сейчас нам кажется — чего проще! Но тогда, в то время, явление этой редкой по странности и агрессивной некраше... особы по имени Тая буквально раско-

лоло кинематографическое общество.

Так же было с абдрашитовским «Парадом планет» — меня пригласил главный редактор и сказал: там, наверху, фильм вызвал резкое неприятие. Признаться, и я его не с первого раза «прочухала». В свое время и Юлий Яковлевич Райзман, наставник и художественный руководитель Абдрашитова, тоже признавался мне, что стилистика «Парада планет», в сущности, ему чужда — еще был Автор «Машеньки» — и это сумрачное, космогоническое действо. Но всюду и всегда в

и я резко приняла его сторону.

Однажды, услышав на съезде кинематографистов текст его открытого письма в президиум (как всегда, очень жесткого) и из него узнав, что Абдрашитов снимает крушение корабля в Севастополе, бросила все и помчалась туда — тогда это еще можно было.

Целый день мы блуждали в поисках гостиницы. В конце концов пришлось поселить меня на корабле.

Эта жизнь на корабле — гигант «Федор Шалапин» стоял прямо в открытом море — навсегда осталась одним из самых ярких впечатлений в киножизни. По утрам будили склянки и шум матросского построения, вечером начинался мрачный и завораживающий театр — снимали крушение. Это было прекрасно и страшно.

Впрочем, Абдрашитова я почти не видела: он был «там»,